

«Америка прежде всего» и декадент из «пятой колонны»

В минувшем году на книжных полках московских магазинов появилось замечательное издание – биография одного из самых скандальных, если не прямо табуированных писателей Америки – Джорджа Сильвестра Вирека. Книга носит заглавие «Джордж Сильвестр Вирек: больше чем одна жизнь. 1884–1962». Выпустило ее в свет московское издательство «Кругъ». Сочинение насчитывает почти 700 страниц [1]. Биографии такого масштаба, конечно, не редкость в России, но обычно они представляют собой добротные компиляции. В данном случае речь идет об оригинальном исследовании, выполненном на хорошей археографической базе.

До сих пор Вирек был практически неизвестной фигурой в отечественном американоведении. Его почти не переводили и о нем очень мало писали. Рискнул впервые познакомить отечественного читателя с этим интереснейшим персонажем профессор Института японской культуры Университета Такусёку (Токио) Василий Элинархович Молодяков. Автор хорошо известен в России почти всем образованным читателям, в особенности тем, кто интересуется историей и современностью Японии или же поэзией русского Серебряного века. Он прекрасный знаток творчества Валерия Брюсова и вообще русской литературы начала XX века, но, кроме того, он прекрасный историк, автор нескольких монографий о генезисе двух мировых войн. Его перу принадлежит также огромная биография министра иностранных дел гитлеровской Германии – Йохима Риббентропа [2].

Американскими сюжетами он стал специально заниматься именно в связи с Виреком: в течение нескольких последних лет Молодяков скрупулезно отслеживал жизненный путь этого писателя, некогда знаменитого, а потом проклятого и почти забытого. В изложении обстоятельств жизни Вирека Молодяков опирался в том числе на те материалы, которые оказались в его исключительном распоряжении: старые книги, журналы, депеши – мы видим фотографии обложек этих раритетов на страницах книги. Молодяков – известный библиофил, и в новом его сочинении это увлечение оказалось представлено наилучшим образом.

Помимо нынешней книги В.Э. Молодяков способствовал переводу и изданию на русском языке двух книг Вирека – «Обнаженная в зеркале» и «Дом вампира». Романы при прочтении не произвели на меня сильного впечатления, похоже, романист Вирек был средний, но вот публицистические и журналистские тексты этого писателя – прекрасный образец жанра очерка. Вирек писал превосходные статьи о произведениях и судьбе своего любимого писателя Оска-

Межуев Борис Вадимович, кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, председатель редакционного совета сайта «Русская idea». E-mail: borismezhuev@yandex.ru

ра Уайльда, чьей манере пытался подражать, делал содержательные интервью с европейскими знаменитостями и был славен сборниками публицистических зарисовок. Он написал книгу о находящемся в изгнании в Голландии кайзере Вильгельме, первым сумев взять у него интервью. Среди его друзей и корреспондентов были советник президента Вильсона полковник Хауз и Зигмунд Фрейд: кстати, сам Вирек много сделал для популяризации учения последнего в Соединенных Штатах.

Однако скандальную славу Виреку принес тот факт, что он был главным пропагандистом Германии в Соединенных Штатах, его можно было без всякой натяжки назвать представителем прогерманской «пятой колонны» в Америке. Причем он боролся за дело Германии в канун обеих мировых войн – во время Первой редактировал журнал “Fatherland”, в котором обосновывал политику кайзера, а в период Второй сотрудничал с целым рядом влиятельных американских политиков, включая конгрессменов и сенаторов, писал им речи, давал советы, как избежать вступления Америки в войну против Гитлера. За деяния, связанные с защитой германского Рейха, Вирек был осужден в 1942 году на несколько лет: тюрьму он смог покинуть только после войны – в 1947 году.

Эта огромная биография оставляет впечатление большой загадки: как, из каких идейных источников произрастала германофилия американского декадента, поклонника Оскара Уайльда? Конечно, Вирек был немцем по происхождению и даже, по одной из легенд, потомком кайзера Вильгельма I и кузеном его сына, последнего монарха из рода Гогенцоллернов. Это, конечно, сыграло важную роль в жизни Вирека.

Но, с другой стороны, он ни по каким причинам не должен был сочувствовать нацистам: он не был антисемитом, скорее наоборот; его декадентские вкусы не очень соответствовали тоталитарной эстетике Третьего рейха. Тем не менее он оказался среди тех, кто с заметным сочувствием относился к становлению нацистского режима в Германии и предпринимал все усилия, чтобы не дать Америке встать на путь войны с гитлеровским режимом.

В этой борьбе против европейской войны Вирек не был одинок, его окружали, с ним взаимодействовали, у него просили финансовой помощи и консультации люди, которых сейчас принято называть изоляционистами. Вирек сам своей старой статьей подарил им лозунг “America First” – «Америка прежде всего».

Несколько глав книги Молодякова, посвященных сотрудничеству Вирека с изоляционистами эпохи Второй мировой, представляют собой, может быть, наиболее ценный на русском языке источник сведений об этом интересном и актуальном для нашего времени движении. О нем я и хочу рассказать в этой статье, используя в качестве подспорья сведения из книги профессора Молодякова, который в описании всей этой истории сух, взвешен и объективен. Он не отрицает сотрудничества части американских антиинтервенционистов с тем человеком, кого можно было бы назвать платным пропагандистом Третьего рейха, представителем его «пятой колонны» в США, однако не переносит этого обвинения – делавшегося уже в 1940-х годах и неоднократно повторявшегося в последующее время – на всех противников вступления Америки во Вторую мировую. Что было, то было, чего мы не знаем, того не знаем. Эта объективность делает исследование Молодякова особенно полезным, а при условии дефицита серьезного и актуального американоведческого материала – поистине бесценным для нашего понимания американской идеологической жизни. Поэтому прежде чем приступить к рассказу об «Америке прежде всего», происхождении и нынешнем звучании этого лозунга, позволю еще раз рекомендовать эту книгу для чтения.

* * *

Лидер республиканских праймериз Дональд Трамп, отвечая на вопрос журналистов “New York Times”, заявил, что его взгляды можно назвать «антиинтервенционистскими», и ему симпатичен принцип «Америка прежде всего». В самом факте упоминания этого словосочетания много символического. Трудно понять, как Трамп мог решиться на такое? Из разных концов политического спектра, справа и слева, миллиардера клянут как фашиста, расиста, националиста, в нем видят Гитлера, Муссолини, будущего диктатора. Его внешнеполитические взгляды встречают жесткую оценку со стороны неоконсерваторов, которые всегда во всех своих оппонентах усматривают если не прямо нацистов и антисемитов, то их «умиротворителей», потенциальных Чемберленов или Петенов.

И вот Трамп неожиданно произносит слова, которые не могли не быть использованы его врагами, не устающими травить его самым неприятным образом.

Чем же славно выражение “America First”?

Так назывался знаменитый комитет, лоббистская группа, созданная в сентябре 1940 года, за пятнадцать месяцев до нападения Японии на Пёрл-Харбор в целях недопущения вовлечения Соединенных Штатов в войну против Германии. Да, в первую очередь против Германии на стороне Великобритании, поскольку на счет Японии в Комитете имелись разные точки зрения. Многие опасались Империи Восходящего Солнца и видели в ней реальную угрозу. Комитет возглавили два человека – руководитель студенческой пацифистской организации Дуглас Стюарт и генерал Роберт Вуд, председатель чикагской компании “Sears, Roebuck and Co”.

К организации присоединились многие заметные политические и общественные деятели разных направлений – от левых, типа журналиста Джона Флинна, бывших «прогрессистов», сторонников Тедди Рузвельта, включая его собственных сыновей, до отдельных республиканцев-консерваторов. В Комитет был, однако, закрыт вход коммунистам и нацистам.

В 1940 году, еще до создания Комитета, во время президентской избирательной кампании «антиинтервенционисты» надеялись, что смогут выдвинуть своего человека в кандидаты от Республиканской партии, им предположительно должны были стать сенатор от штата Огайо Роберт Альфонсо Тафт, сын экс-президента Уильяма Тафта, или же прокурор Манхэттена Томас Дьюи. Однако совершенно неожиданно номинацию выиграл выдвинутый истеблишментом партии, но до тех пор мало кому известный адвокат из Нью-Йорка, уроженец Индианы, Уэнделл Уилки, активный интервенционист и противник Германии. Уилки еще год назад являлся сторонником другой партии, и само его выдвижение на съезде в Филадельфии выглядело скандально и позорно для республиканцев. Те из них, кто не были готовы поддержать Уилки именно как интервенциониста, и составили ядро Комитета “America First”, который возник спустя два с лишним месяца после съезда в Филадельфии.

Уилки закономерно проиграл выборы Рузвельту, однако антиинтервенционисты не прекратили борьбу, перенесли ее в Конгресс. Здесь они неудачно попытались заблокировать закон о ленд-лизе, предоставлявший военную помощь странам, воевавшим с Гитлером, а потом инициировали расследование тайного влияния британской разведки и пробританского лобби на Голливуд. Впрочем, им не удалось ни остановить поставки по ленд-лизу, ни разобраться с Голливудом. А главный успех в плане публичной политики обернулся самым крупным и фатальным для их репутации скандалом. В 1941 году в Комитет вступил знаменитый пилот Чарльз Линдберг, который в 1927 году совершил одиночный беспосадочный перелет из Нью-Йорка в Париж. Линдберг был для американцев примерно такой же культовой фигурой, какой в СССР 1930-х был Валерий Чкалов. Члены Комитета очень рассчитывали в своей борьбе на его

популярность и страстную готовность бороться против интервенционистов в окружении президента Рузвельта.

Рузвельт, судя по всему, сам опасался популярности героя Америки, «одинокого орла», как его называли поклонники. После неудачной попытки взять Линдберга в свою администрацию Рузвельт несколько раз нелестно отозвался о политических взглядах Линдберга, назвал его «нацистом». Летчику припомнили получение в 1938 году награды из рук Геринга за вклад в развитие авиации. Линдберг попытался ответить целым рядом публичных выступлений, самым нашумевшим из которых стала его речь 11 сентября 1941 года в Де-Мойне, штат Айова, с обличением, как бы мы сказали, «темных сил», стоящих за спиной президента и толкающих его в смертоубийственную европейскую войну. В числе этих «темных сил» помимо привычных для Комитета «англичан» прямо назывались «евреи»: Линдберг был немедленно обвинен в антисемитизме, и его левым соратникам, например, руководителю нью-йоркского отделения Комитета Джону Флинну, пришлось отмежевываться от заявлений героя. Вскоре, однако, последовал Пёрл-Харбор, и правление «America First» поддержало вооруженный отпор Японии, после чего сам Комитет был распущен.

Комитет прекратил свое существование, изрядно подмочив, однако, репутацию всему американскому «антиинтервенционизму» и особенно выражению «Америка прежде всего». Политический мейнстрим все более отдалялся от так называемого изоляционизма, но последний тем не менее упорно не желал сходить с политической сцены. Главным спикером этого течения в самом начале холодной войны стал сенатор Роберт Тафт, который прежде не входил в «America First», но сочувствовал его идеям. Опять же вплоть до нападения Японии на Пёрл-Харбор.

В отличие от многих других «антиинтервенционистов» и членов Комитета, которые в большинстве своем были левыми и «прогрессистами» и считали, что корень всех зол – это Морганы, Рокфеллеры и прочие толстосумы, желающие нажиться на войне, Тафт был именно консерватором: опасность для мира виделась ему не в большом бизнесе, но в большом государстве. Тафт полагал, что Новый курс Рузвельта с его усилением роли государства в области экономики делал неизбежным вовлечение США в разного рода военные предприятия, не нужные для обеспечения безопасности страны, но весьма выгодные для поддержания кредитоспособности государства. Тафт стал родоначальником особого течения американского консерватизма – его сторонники впоследствии, после 1960-х годов, стали называть себя «старыми правыми» («the old right»), отличая себя от «новых правых» школы Уильяма Бакли-мл.

Издатель журнала «The National Review» Уильям Бакли в начале 1960-х создал новое правое течение, объединив под эгидой «консерватизма» жестких антикоммунистов, умеренных противников десегрегации, религиозных правых и борцов с большими налогами. Важным знаменателем этого нового синтеза стала поддержка политики «сдерживания» в целом и войны во Вьетнаме в частности. С этого момента американский консерватизм перестал ассоциироваться с «изоляционизмом». В отличие от сторонников Бакли, «старые правые» во главе с Тафтом продолжали и во время холодной войны занимать антивоенные позиции, критикуя и участие США в Корейской войне, и создание Североатлантического блока. Девиз «Америка прежде всего» продолжал оставаться их лозунгом, и этот лозунг сохранял удивительным образом свой «антивоенный подтекст».

Тафт, однако, проиграл номинацию и в 1948-м, и в 1952 году, когда в Белый дом после почти двадцатилетнего перерыва наконец попал республиканец – представитель умеренного крыла этой партии Дуайт Эйзенхауэр.

* * *

Дойдя до этого пункта, я прекращаю цитировать без кавычек книгу Василия Молодякова, который ограничивает свое изложение истории американского антиинтервенционизма 1962 годом – годом смерти его героя Вирека, – и перехожу к тому, что знаю из других источников.

После ухода Эйзенхауэра и проигрыша его вице Ричарда Никсона на выборах 1960 года консервативное движение было создано Бакли фактически заново и на совершенно новых основаниях. В 1964 году ему удалось провести своего ставленника, сенатора от штата Аризона Барри Голдуотера, в кандидаты в президенты США от Республиканской партии. Голдуотер выиграл номинацию, оттеснив миллиардера Нельсона Рокфеллера, но с треском проиграл выборы президенту-демократу Линдону Джонсону. И все же консерватизм школы Бакли смог взять реванш в 1980 году, когда в Белый дом прорвался новый политический руководитель движения – Рональд Рейган.

«Изоляционизм» на продолжительное время стал почти бранным словом для американской политики. Однако с концом холодной войны и распадом Советского Союза идеи антиинтервенционизма и вместе с ним лозунги «старых правых», включая «Америку прежде всего», постепенно оживали. Главным идеологом этого течения стал бывший спичрайтер Ричарда Никсона и помощник Рональда Рейгана Патрик Бьюкенен, верующий католик и жесткий социальный консерватор, противник дехристианизации общества, миграционной свободы и экономической глобализации. Иными словами, изоляционист не только в военном и внешнеполитическом, но и в культурном отношении. Или, как стало принято выражаться с конца 1980-х, «палеоконсерватор».

Тут не следует путать два отличающихся по своему объему и содержанию понятия: «старые правые» – это не только «палеоконсерваторы» в духе Бьюкенена, но и «палеолибертарианцы» – последователи философа и экономиста Мюррея Ротбардта. Либертарианцы, которые уже теперь редко добавляют приставку «палео», тоже настроены против Нового курса и Большого государства, тоже не хотят военных приключений в Старом Свете, однако зачастую ничего не имеют против секулярных послаблений и свободного движения людей и капиталов.

Патрик Бьюкенен – политик скорее из круга «новых правых» – тем не менее в 1992 году выбросил знамя «Америка прежде всего» и объединил вокруг себя разнообразные осколки «старых правых». Он стал как бы «Бакли наоборот». Флагманом его нового или, точнее, хорошо забытого «старого» течения стал журнал “The American Conservative”, который Бьюкенен основал в 2002 году вместе с бизнесменом греческого происхождения Таки Теодоракисом и публицистом Скоттом Макконнеллом, скорее умеренным либералом антиинтервенционистского толка, чем собственно консерватором.

Бьюкенен и его соратники считали, что после краха коммунизма следует отказаться от политики «сдерживания» и вернуться к внешнеполитической программе «старых правых», то есть именно к «Америке прежде всего». США нужно прекратить играть роль «мирового полицейского» и заняться укреплением своей экономической базы и защитой своего этнокультурного ядра от наплыва мигрантов со всего света. Палеолибертарианцы хотя и не разделяли социального консерватизма будущего автора «Смерти Запада», были настолько враждебны империализму всех пострейгановских администраций, что оказались готовы примкнуть к коалиции Бьюкенена.

Бьюкенен, как и другие «старые правые», не опасался принять наследство Роберта Тафта целиком, включая и его самый спорный компонент – «изоляционизм» кануна Второй мировой войны. В 2009 году Бьюкенен даже издал книгу под названием «Черчилль, Гитлер и война, которая не была необходима:

как Британия потеряла свою империю, а Запад потерял весь мир» [3], в которой он доказывал, что войну против Гитлера не следовало начинать не только Соединенным Штатам, но и Великобритании с Францией в 1939 году. Если бы Чемберлен не объявил войну нацистам, а Черчилль не начал активные военные действия в Скандинавии, Гитлер ограничился бы реализацией своей националистической программы, и каким бы отвратительным ни был его режим (а Бьюкенен, надо признать, не жалеет красок в описании гнусностей гитлеризма), не будучи спровоцированным Англией, его лидер не рискнул бы пойти ни на оккупацию Франции и Скандинавии, ни тем более на тотальное истребление евреев в Европе. Книга Бьюкенена вызвала раскол в антиинтервенционистском движении: Макконнелл и умеренное крыло авторов «Американского консерватора», примыкающее скорее к реалистам, чем к «старым правым», сочло ее бестактной – не только по отношению к евреям, но и к Польше, Франции, наконец, к России. Однако большая часть «старых правых», в общем, была готова распространить принципы антиинтервенционизма на период, предшествующий Второй мировой.

Бьюкенен не выиграл номинацию в своей партии ни в 1992, ни в 1996, ни в 2000 году. Не так много ему дало и выдвижение в 2000 году в президенты от Партии реформ. Но, кажется, к 2016 году неоконсерваторы, свившие гнездо в Республиканской партии и консервативном движении, с их агрессивной внешнеполитической повесткой успели настолько напугать избирателей бесконечной серией бессмысленных авантур, что республиканцы оказались способны потянуться в большинстве своем к человеку, способному произнести вслух запретные ранее слова «Америка прежде всего». Возникло ощущение, что река истории потекла вспять, и теперь «старые правые» могут считаться вполне «новыми», а «новые» воспринимаются безнадежно устаревшими.

Тем не менее, чем бы ни кончилась политически данная «рокировка», для России возникает непростой вопрос – как относиться к тому обстоятельству, что наиболее близкое нашей стране идеологическое течение в отношении нашего общего прошлого занимает позиции, которые большинству граждан России было бы весьма трудно принять. Причем главные спикеры этого течения явно не желают поступаться принципами и продолжают настаивать на правоте своих предшественников в 1939–1941 годах, когда те препятствовали не только войне США с гитлеровской Германией, но и поставкам по Ленд-лизу. В том числе и помощи истекавшему кровью Советскому Союзу.

Возникает некая контрверза, которую оказывается очень и очень сложно разрешить. Как российским консерваторам относиться к этим историческим противоречиям? Не обращать внимания на то обстоятельство, что американский изоляционизм в прошлом отнюдь не мог считаться союзником нашей страны? Игнорировать то обстоятельство, что в восприятии одного из самых чувствительных моментов прошлого мы расходимся столь кардинально? Или, напротив, занять жесткую позицию и сказать, что всякое тактическое сходство по вопросам сегодняшнего дня не затемняет для нас принципиальное несогласие в отношении священной для нас страницы истории?

Понятно, что за этим вопросом непосредственно встает и другой – во всем ли прав американский изоляционизм? Всегда ли нужно отстраняться от военного столкновения в том случае, если любой его исход непосредственно не угрожает твоим интересам? Если мы ответим положительно на этот вопрос, то будем вынуждены признать правоту тех, кто требовал от Америки, чтобы она равнодушно наблюдала за германским блицкригом в Европе, не помогая ни нам, ни британцам. Если ответим отрицательно, неожиданно можем оказаться в компании тех ораторов, для кого американская миссия Свободы состоит в том числе и в борьбе против нашего Отечества.

Думаю, нам требуется принципиальная дискуссия с представителями «старой правой», требуется оговорить, какой изоляционизм нам кажется приемлемым и оправданным, и даже необходимым, а какой и в самом деле выглядит аморально? Дискуссия о параметрах и рамках изоляционизма, может быть, и в самом деле то, что сейчас так требуется представителям консервативных течений России и Соединенных Штатов. Без выяснения всех вопросов о прошлом нам будет трудно перейти к конструктивному разговору о настоящем и тем более к планам на будущее. И вот в этом только намечающемся разговоре такие исследования, как монография Василия Молодякова, имеют огромное значение. Из нее мы впервые можем узнать о той политической культуре, которая породила такое странное явление, как американский изоляционизм. Кстати, Молодяков обнаружил, что само это выражение «Америка прежде всего» своей популярностью обязано в том числе и Виреку. Статью с таким названием Вирек поместил в декабре 1915 года в редактируемом им прогерманском журнале «Fatherland».

Так что среди всего, что подарила американской культуре Германия, имеется и этот подарок. И, может быть, есть что-то символическое в том, что потомок эмигрантов из Германии Дональд Трамп повторил выражение, введенное в оборот еще в 1915 году другим этническим немцем – именно для того, чтобы предотвратить столкновение его новой Родины с Отечеством его предков. Возможно, для дружбы российского консерватизма с консерватизмом американским нужны какие-то иные слова, и нам еще только предстоит их обнаружить.

Литература

1. Молодяков В.Э. Джордж Сильвестр Вирек: больше чем одна жизнь. 1884–1962. М.: Кругъ, 2015.
2. Молодяков В.Э. Риббентроп. Упрямый советник фюрера. М.: АСТ-Пресс Книга, 2008.
3. *Buchanan P. Churchill, Hitler, and The Unnecessary War: How Britain Lost Its Empire and the West Lost the World.* N.Y.: Crown Forum, 2009.

Аннотация. Статья Бориса Межуева начинается с краткой рецензии на вышедшую в 2015 году в Москве книгу историка Василия Молодякова «Джордж Сильвестр Вирек: больше чем одна жизнь. 1884–1962», в которой рассказывается об известном писателе и журналисте, пропагандисте Германии в США в период, предшествующий обеим мировым войнам. Автор статьи обращает особое внимание на взаимодействие Вирека с представителями американского антиинтервенционизма, идейного течения, имевшего особую и сложную судьбу в XX веке. Сегодня представители этого течения могут считаться союзниками России, но память о Второй мировой существенно осложняет наш союз. Поэтому книга Молодякова представляет существенную ценность как повод начать дискуссию о тех людях, для которых вчера и сегодня «Америка прежде всего».

Ключевые слова: изоляционизм, антиинтервенционизм, Вирек, палеоконсерватизм, старые правые.

Boris Mezhuev, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, History of Russian Philosophy Department, Lomonosov Moscow State University, Chairman, Editorial Board, "Russian Idea" Internet site. E-mail: borismezhuev@yandex.ru

“America First” and the decadent from “the fifth column”

Abstract. The article by Boris Mezhuev begins with the brief review on the book by historian Vassily Molodyakov “George Sylvester Vireck: more than one life. 1884–1962” that was published last year in Moscow. The book tells us about a prominent writer and journalist who worked as a propagandist of Germany in the United States before the World Wars. The author of the article pays special attention to the collaboration of Vireck with the members of the America First movement, or American anti-interventionism which had a complicated history in the 20th century. Now the spokesmen of this movement can be seen as Russian allies, but the memory of the World War II seriously complicates our alliance. Due to this Molodyakov’s book is a valuable occasion for us to start a discussion of the people in the US who now and before stand for “America First”.

Keywords: Isolationsm, Anti-Interventionism, Vireck, Paleo-Conservatism, the Old Right.

